

Статьи и сообщения

УДК 94(37).07(045)

С.В. Телень

ИМПЕРАТОРСКАЯ ВЛАСТЬ И ПОЛКОВОДЧЕСКИЙ СТАТУС (РАННЯЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ)

В статье исследуется проблема полководческого статуса императора в период принципата. Делается вывод о том, что главным средством соединения политической и военной власти в Римской империи было условное военное лидерство главы государства, что следовало из военно-монархической системы принципата. Чтобы играть роль настоящего военного лидера, императоры должны были сохранять лояльность войска. Многие из них добивались этого путем подчеркивания того, что их интересы и интересы Рима совпадают. Однако сложность решения этой проблемы состояла в том, что императорам, зачастую приходившим к власти через мятеж и гражданскую войну, приходилось средствами пропаганды оправдывать свою фактическую узурпацию власти, апеллируя ко все тем же интересам государства. В статье делается акцент на том, что сами принцепсы зачастую находились в неодинаковом положении при осуществлении ими функций военного лидера. Закономерной была тенденция к обеспечению многими из них своего правления не столько реальными военными победами, сколько формальным их выражением, а также внешним выражением своей воинственности. Формализм, театральность, пропаганда становятся все более частым спутником императорского правления, тяготеющего к размеренности и стабильности, а в итоге – ко все большему отдалению от реальных военных дел, что было отражением факта постепенного перехода империи от завоеваний к стратегической обороне.

Ключевые слова: римская армия, военное лидерство, политическая власть, гражданские войны, триумф.

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-1-144-150

Еще Брайан Кэмпбелл заметил, что римские императоры основывали свою власть главы государства в основном посредством своих полномочий верховного военного вождя [8, p. 148–156]. Однако данное наблюдение требует, на наш взгляд, дальнейшего его обоснования. Прежде всего обратим внимание на слова ритора II в. – Фаворина. Они стали ответом на упрёки в адрес этого учителя красноречия за его уступку императору Адриану в некоем ученом споре. Фаворин оправдывал свою позицию ссылкой на признаки высшего авторитета (SHA *Hadr.* XV. 13): «Вы даёте мне неправильный совет, друзья, если не позволяете мне считать самым ученым среди всех того, кто командует тридцатью легионами» (пер. С.П. Кондратьева). Действительно, в своих *Res Gestae* Август постоянно подчеркивает, что победы его полководцев были одержаны «*meo auspicio*» (т. е. под его верховным командованием). И действительно, контекст «Деяний» таков, что создается впечатление об определяющем значении роли принцепса там, где решались вопросы войны и мира. В других источниках Август также предстает вершителем одновременно военных и административных дел (Strab. XVII. 3. 25; *Ann. Flor.* II. 30; Dio Cass. LIII. 17. 6, 22. 5). Светоний сообщает примечательные обстоятельства принятия дел Тиберием после смерти Августа (Suet. *Aug.* CI. 4): «Из трех свитков (завещания Августа – С.Т.)... – в третьем – книга государственных дел: сколько где воинов под знаменами...» (пер. М. Л. Гаспарова). Факт упоминания войск в той части завещания, которая касалась управления государством, говорит о том, что никто другой, помимо императора, не обладал компетенцией осуществлять (от лица государства) над войском высшую власть. Это положение вещей подтверждается Тацитом, который пишет, что Тиберий приказывал принести упомянутую Светонием часть завещания Августа о государственных делах, где говорится «о государственной казне, о количестве граждан и союзников на военной службе, о числе кораблей, о царствах, провинциях, налогах прямых и косвенных... все это было собственноручно написано Августом» (Tac. *Ann.* I. 11) (пер. А. С. Бобовича).

Центральное положение императора в вопросах войны было далее усилено декретом императора Клавдия. Как пишет Светоний, «солдатам он сенатским указом запретил входить в дома сенаторов для приветствия» (Suet. *Claud.* XXV. 1) (пер. М.Л. Гаспарова). Отсюда следует, что воины таким образом лишались права быть клиентами кого бы то ни было, кроме самого императора [2, p.428].

Главенствующее положение императора имело наглядное выражение. Императорское изображение в войске присутствовало повсюду. *Imago* императора обнаруживается на *dona militaria* (военных наградах), а также на *signa* (знаменах) [16, S. 300–338]. Сакральное значение римских *signa* хорошо известно. Легионы и когорты праздновали дни рождения своих символов (ILS III. 9125–9127). Как пишет А.В. Махлаюк, «военные знамена были окружены особым почитанием, имеющим все признаки настоящего культа» [2, с. 372].

Символизм *signa* мог использоваться так, как это имело место в случае с Германиком, когда тот в 16 г. н. э. во время войны с херусками якобы увидел в небе восемь орлов и тем убедил своих солдат идти вперед, так как воины, дескать, должны следовать «за римскими птицами, исконными святынями легионов» (Тас. *Ann.* II. 17) (пер. А. С. Бобовича). После одержанной победы воины провозгласили Тиберия императором (Тас. *Ann.* II. 18). Существенно, что провозглашение произошло в отсутствие Тиберия, исключительно через знамена с его именем и изображением [6, р. 263].

Другим вариантом презентации императорской власти в войсках была монетная чеканка. На монетах наряду с аллегориями воинской доблести представлен также сам император. В оценке пропагандистского значения такой императорской чеканки наиболее аргументированной выглядит точка зрения Ф. Кеммерс, которая проанализировала находки монет из легионных укреплений и *canabae legionis* (прилагерных поселков) в Неймегене (Нидерланды). Она показала, что, что большая часть монет была здесь *quadrantes*, т. е. малого номинала, что исследовательница объясняет стремлением властей придать монетным изображениям значение массового средства пропаганды [13, р. 40].

Постоянное присутствие в войсках императорского изображения и в еще большей степени имени (некоторые легионы носили имена императоров, тем самым как бы усиливая свою связь с ним) было неизменным выражением роли главы государства как военного вождя [6, р. 314; 14, р. 262–263]. Об этом же говорит содержание примерно восьмисот военных дипломов, известных к настоящему времени [5, с. 29, 31]. Диплом начинался с имени и полной титулатуры императора, а завершался именем конкретного солдата. Важность собственных имен, указываемых в дипломе, подтверждается тенденцией III-го в. н. э. писать имя получателя диплома на его внешней стороне, причем прописными буквами. Эту практику В. Эк связывает со стремлением императоров усилить свою связь с войском [5, с. 55].

Чрезвычайно значимым выражением лояльности солдат императору была присяга [4, с. 58]. В тех случаях, когда кто-то забывал об этой связи, императоры незамедлительно о ней напоминали. Так, по приказу Домициана, согласно Светонию, был казнен «Саллюстий Лукулл, легат в Британии – за то, что копыя нового образца он позволил называть "лукуловыми"» (Suet. *Domitian.* X. 3) (пер. М. Л. Гаспарова).

И наконец, самым главным подтверждением личной связи между императором и армией было физическое присутствие императора в войсках [12, р. 351]. «Тем самым первый гражданин» являл себя сражающимся за Рим. Военные, по сути, качества императора, т. е. *virtus* и *providential*, составили важнейшую часть прокламировавшихся добродетелей принцепса. В течение III в. частота упоминания *virtus* в монетной чеканке еще более возросла, причем указанное достоинство еще более привязывается к личности конкретного императора [1, с. 121].

Следует также сказать о монументальных памятниках императорских побед – о форумах и арках, которые были повсюду в империи. Они были рассчитаны на невоенную городскую аудиторию, но и здесь целью такой визуализированной пропаганды было создание образа военного лидера [12, р. 342–345]. Триумф, опять-таки рассчитанный на городскую аудиторию, как замечает Б. Кэмпбелл, тоже «представлял императора и его солдат в наиболее благородном свете – воителей, сражающихся во имя Рима», а специальные угощения для воинов, обращенная к ним речь императора, предоставленная солдатам возможность показаться в Риме во всем блеске – все это было средством демонстрации единства войска и его вождя [9, р. 44]. К тому же солдаты играли важную роль в погребальной процессии на императорских похоронах. Последний путь императора, таким образом, был некой формой триумфа. Последний путь императора был обставлен символическими изображениями завоеванных провинций [20, S. 25–28].

Император и солдаты сражались за славу Рима бок о бок. Так было при нормальном течении дел. И тем не менее даже во время мятежей и узурпаций претенденты на императорскую власть старались избежать того, чтобы выглядеть сражающимися против римского государства. Б. Левик полагает, что Веспасиан сознательно отсутствовал в войсках, которые двинулись на Рим: личного участия

в данном походе Веспасиан стремился избежать во всяком случае [15, р. 53]. Тацит и Иосиф Флавий закономерно утверждают, что провозглашение Веспасиана императором было выбором солдат, а не самого Веспасиана (Tac. *Hist.* II. 80; Jos. *Bell. Jud.* IV. 10. 4). Он также представляется авторами как неповинный в злодеяниях разгоревшейся гражданской войны. Действительно, если верить источникам, когда вооруженная борьба уже шла в Италии, Веспасиан находился в Александрии. Ответственность за все действия сторонников Веспасиана, таким образом, ложилась на его подчиненных, но не на него лично. Тацит особо подчеркивает, что будущий император не несет ответственности за кровавые события в Кремоне. Вина, по Тациту, лежит не Антонии Приме (Tac. *Hist.* III. 32–33, 49).

Вообще династия Флавиев обосновывала свои права на высшую власть репутацией победителей в Иудейской войне, начатой другими, но завершенной все-таки Веспасианом и Титом. Празднование победы в Иудейской войне в 71 г н. э., памятники которой были затем видны повсюду в Риме, было специально отложено, чтобы Тит, сын и преемник основателя новой династии, мог успеть вернуться в Рим и принять участие в празднестве. Эта победа представлялась средствами пропаганды как спланирующая всю Pax Romana, что, в частности, видно по отчеканенным монетам, представляющим изображение аллегорической фигуры Победы со щитом, на котором написано S.P.Q.R. (Сенат и римский народ) [9, р. 142]. В дальнейшем соединение военных побед с символом единства римского народа встречается уже на монетных типах одного из наиболее воинственных и вместе с тем наиболее приверженного старореспубликанским добродетелям императора – Траяна [1, с. 618, 632].

Тем не менее не все императоры, пришедшие к власти в результате гражданской усобицы, находились в столь выигрышном положении, как Флави. Дидий Юлиан не имел шансов стать авторитетным правителем, т. к., по сути, купил себе звание императора (Herod. II. 6. 8–10; Dio LXXIV. 11. 3–6; SHA *Did. Iulian.* II. 6–7). Септимий Север, в итоге сместивший Дидия, сделал все, чтобы дискредитировать этого «узурпатора». Север обосновал свое выступление справедливостью мести за смерть императора Пертинакса, косвенным виновником которой был Дидий (Herod. II. 9. 8–13, 10. 1–9). Север, как и в свое время Веспасиан, затем продвигал версию, что сам он пытался отклонить свое избрание (SHA *Sever.* V. 1). Но, в отличие от Веспасиана, у него на момент начала активной борьбы за высшую власть еще не было славы победителя в большой войне. Позже, однако, став императором, Север в войнах с варварами завоевал себе славу победоносного вождя. Очевидно, что причинами этой полководческой инициативности были как любовь императора к славе (Herod. III. 14. 2), так и стремление компенсировать сомнительное в юридическом и моральном смысле начало своего императорского правления [7, р. 170]. Ведь в ходе гражданской войны Север должен был пойти на Рим. Подчеркивая неспособность Дидия организовать оборону, лояльный Северу писатель Дион Кассий побуждает читателя к одобрению смещения Дидия Севером (Dio LXXIV. 16. 3–4). То, как Дион описывает последовавшее торжественное погребение Пертинакса, также выглядит оправданием действий Севера (Dio LXXV. 6. 7).

Как Веспасиан, так и Север изображали себя сопротивлявшимися их избранию солдатами. Отсюда становится понятней позиция Юлиана Отступника, наследника дохристианской имперской традиции, который заранее планировал мятеж 360-го года, но затем изменил в официальной версии историю своего восшествия. Здесь мы обнаруживаем признаки интерпретированности последующих событий самим Юлианом: будущий император «пригласил офицеров к обеду, желая оказать большее внимание перед далеким предстоящим им путешествием и предложил им просить у него то, что угодно каждому» (Amm. XX. 4. 13) (пер. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни). Неудивительно, что этой же ночью войско провозгласило Юлиана императором [14, р. 261–262]. Юлиан, подобно Веспасиану и Северу, не хотел выглядеть сражающимся против Рима. Напротив, в версии Аммиана Марцеллина и Юлиана римские солдаты избрали нового императора, чтобы тот защитил их и государство от сумасбродного правителя, т. е. от Констанция. В этом эпизоде присутствуют признаки процедуры *recusatio imperii* (законного отстранения от власти) [19, р. 34].

Приход некоторых императоров к власти через мятеж и гражданскую войну был лишь одной из проблем законности высшей власти. Другой проблемой иногда могла быть недостаточная вовлеченность того или иного принцепса в военные дела. Между тем одной из главных функций римской государственной организации было отражение внешних врагов. Следовательно, императоры должны были выглядеть достаточно воинственными. Иногда это оказывалось не слишком сложной задачей. Например, Клавдий, очевидно не самый выдающийся полководец, укрепил свой авторитет завоеванием Британии, подготовленным еще до него Калигулой (Suet. *Calig.* XLVI). Интересно, что отправляясь в по-

ход, он взял с собой в Галлию сенаторов, чтобы те не могли в его отсутствие интриговать в Риме, но при том, однако, не взял их с собой в Британию, чтобы не делить с ними победу (Suet. *Claud.* XVII). Эта относительно легкая победа позволила неопытному в военном деле императору изображать себя выдающимся полководцем. Репутация Клавдия в результате столь укрепилась, что он далее воспринимался потомками как успешный военачальник. Во всяком случае, один из собранных Р. Финком папирусов сообщает о принесении в жертву быка 1-го августа в день рождения Клавдия (*natalis divi Claudii*), причем по прошествии столетия после смерти этого принцепса [11, р. 422–429].

В ином положении оказался император Адриан, который оборонялся, а не завоевывал. Он позволил себе принять титул *imperator* (здесь – в смысле высшего воинского звания) лишь после колебаний [10, р. 85–87]. Конечно, император, который «отвернулся от имперской идеи Августа и всех своих предшественников, для которого дальнейшие завоевания были уже желательной перспективой или отложенной обязанностью, подчиненными политике фиксированных границ» [17, р. 75], едва ли мог инициировать наступательную войну за Рим. Но Адриан все-таки нашел два способа компенсировать свой отказ от наступательной политики Траяна. Во-первых, он проводил празднества в честь войск и соединений, что нашло отражение в сериях монетной чеканки [1, с. 152], а также делал смотры войскам во время своих бесконечных путешествий (ILS. II. 2487, 2558). Во всем этом обнаруживается стремление Адриана продемонстрировать армии близость к ней и даже представить себя настоящим воином, отказавшимся от завоеваний лишь на какое-то время. Во-вторых, Адриан имел страсть к охоте, что нашло отражение в названии города Адрианотеры («Охота Адриана») в Мизии (западная часть Малой Азии). Город был основан после успешной охоты Адриана, «потому что там он удачно охотился и как-то убил медведицу» (SHA *Hadr.* XX. 13.) пер. С.П. Кондратьева).

Охотничьи достижения Адриана стали своеобразным символом императорской власти, что нашло отражение в охотничьих сценах, обнаруживаемых на триумфальной арке императора Константина Великого. Здесь эти сцены представлены на медальонах, созданных при Адриане, но затем использовавшихся при строительстве арки Константина [3, см. приложение (вклейки) – илл. 51, 52, 53, 58]. Так, снижение военной активности компенсировалось в идеологическом обеспечении власти Адриана (и последующих императоров) демонстрацией личного мужества правителя, его готовности истреблять опасных существ.

Нечто подобное присутствует и в самопрезентации Коммода, последнего представителя все той же династии Антонинов. В поведении этого императора, бесславно закончившего большую войну с варварами, но решившегося на личное участие в гладиаторских боях, имитировавших борьбу с внешними врагами, присутствует стремление изобразить себя в глазах римлян защитником римского мира. Вероятно, именно это мотив подразумевается в *SHA*, где говорится о Коммодe: «Он выступал в гладиаторских боях и с такой радостью принимал прозвания гладиаторов, словно получал прозвания за триумфы» (SHA *Commod.* XI. 10) (пер. С.П. Кондратьева).

Таким же образом следует расценивать и пропагандистские акции Нерона, еще одного, не отметившегося полководческими успехами «плохого» императора. В частности, это касается осмеянного современниками неронова псевдотриумфа. Вероятно, Нерон этими своими действиями попытался отразить свою готовность играть роль военного вождя в тех формах, которые были привычны этому императору-театралу. Однако, судя по последовавшей реакции современников, запечатленной собирателем анекдотов Светонием, опыт оказался неудачным (Suet. *Nero* XXV).

Вообще, можно заметить, что жупел ложного триумфа – это общее место у тех античных авторов, которые выступают с критикой полководческих способностей того или иного императора. О Нероне и Коммодe мы уже говорили. Незавершенное вторжение Калигулы на Британские острова также закончилось триумфом (Suet. *Calig.* XLVII). Калигула, таким образом, явил пример абсурдного смешения символического завоевания Океана и фальшивого триумфа. Однако желаемый эффект – демонстрация ритуализированного полководческого авторитета – обернулась своей противоположностью. Светоний показывает, насколько ударила по авторитету императорской власти разыгранная Калигулой комедия (Suet. *Calig.* XLVII).

Тема ложного триумфа вновь возникает, когда мы обращаемся к литературным источникам, рассказывающим о правлении Домициана. Здесь мы видим стремление императора презентовать себя в качестве военного лидера. То, как высмеиваются эти потуги Домициана, показывает, насколько данная роль – вождя и полководца – была важна для обеспечения власти императора. Тацит на примере отношения Домициана к победе Агриколы показывает, как важно было для императора восприниматься в качестве военного лидера (Tac. *Agric.* XXXIX. 1–2).

Таким образом, главным средством соединения политической и военной власти в Римской империи было условное военное лидерство главы государства, что следовало из военно-монархической системы принципата. Но для того, чтобы играть роль настоящего военного лидера, императоры должны были сохранять лояльность войска. Многие из них добивались этого путем подчеркивания того, что их интересы и интересы Рима совпадают. Служение императору, таким образом, в глазах войска означало служение Риму. Однако сами принцепсы зачастую находились в неодинаковом положении в том, что касалось осуществления ими функций военного лидера. Закономерной была тенденция к обеспечению многими из них своего правления не столько реальными военными победами, сколько внешним их выражением, как и внешним выражением своей воинственности. Формализм, театральность, пропаганда становятся все более частым спутником императорского правления, тяготеющего к размеренности и стабильности, что, надо полагать, было отражением факта постепенного перехода империи от завоеваний к стратегической обороне.

ПЕРЕЧЕНЬ СОКРАЩЕНИЙ

ILS – Inscriptiones Latinae Selectae:

Vol. II. / ed. H. Dessau. Berlin: Verl. Weidmann, 1892. 602 p.

Vol. III. / ed. H. Dessau. Berlin: Verl. Weidmann, 1916. 954 p.

SHA – Scriptores Historiae Augustae:

Vol. I. / ed. E. Hohl. Lipsiae: In aedibus B.G. Teubneri, 1965. 310p.

Vol. II. / ed. E. Hohl. Lipsiae: In aedibus B.G. Teubneri, 1965. 307 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абрамзон М. Г.* Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской Империи. М.: Институт археологии РАН, 1995. 656 с.
2. *Махлаюк А. В.* Солдаты Римской империи. Традиции военной службы и воинская ментальность. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Акра, 2006. 440 с.
3. *Поплавский В. С.* Культура триумфа и триумфальные арки Древнего Рима. М.: Наука; Слава, 2000. 436 с.
4. *Токмаков В. Н.* Сакральные аспекты воинской дисциплины в Риме Ранней республики // Вестник древней истории. 1997. № 2. С. 43–59.
5. *Эк В.* Император во главе войска. Военные дипломы и императорское управление // ВДИ. 2004. № 3. С. 28–57.
6. *Ando A.* Imperial Ideology and Provincial Loyalty in the Roman Empire. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 2000. XXI, 494 p.
7. *Birley A. R.* Septimius Severus. The African Emperor. 2-nd ed. (1-st. ed. – 1971). London; New-York: B. T. Batsford Ltd 1988. XII, 292 p.
8. *Campbell J. B.* The Emperor and the Roman Army: 31 BC – AD 235. Oxford: Clarendon Press, 1984. XIX, 468 p.
9. *Campbell J. B.* Warfare and Society in Imperial Rome, 31 BC – AD 28. London; New-York: Routledge Publ., 2002. XIV, 208 p.
10. *Eck W.* The Bar Kokhba Revolt: The Roman Point of View // Journal of Roman Studies. 1999. № 89. P. 76–89.
11. *Fink R. O.* Roman Military Records on Papyri (Philological Monographs of the American Philological Association, no 26). Cleveland: Case Western Reserve University Press, 1971. XVII, 564 p.
12. *Hekster O. J.* The Roman Army and propaganda // A Companion to the Roman Army / ed. by P. Erdkamp. Malden; Oxford: Blackwell Publ., 2007. P.339–358.
13. *Kemmers F.* Not at random: Evidence for a regionalised coin supply? // Proceedings of the Fourteenth Annual Theoretical Roman Archaeology Conference / Ed. by J. Bruhn, B. Croxford and D. Grigoropoulos. Oxford: Oxbow Books, 2005. P. 39–49.
14. *Lendon J.* Empire of Honour: The Art of Government in the Roman World. Oxford: Clarendon Press, 1997. XII, 320 p.
15. *Levick B.* Vespasian. London; New-York: Routledge Publ., 1999. XXIII, 310 p.
16. *Richter D.* Das römische Heer auf der Trajanssäule. Propaganda und Realität. Möhnesee: Bibliopolis, 2004. 472 s.
17. *Smith R. R. R.* The Ethne from the Sebasteion of Aphrodisias // Journal of Roman Studies. 1988. № 78. P. 50–77.
18. *Thomas C.* Claudius and the Roman Army reforms // Historia. 2003. № 4 (54). P. 424–452.
19. *Wallace-Hadrill A.* Civilis princeps: between citizen and king // Journal of Roman Studies. 1982. № 72. P. 32–48.
20. *Zanker P.* Die Apotheose der römischen Kaiser. Ritual und städtische Bühne. München: Veröffentlichungen der Carl Friedrich von Siemens Stiftung, 2004. 80 s.

Телепень Сергей Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории и обществоведческих дисциплин
Мозырский государственный педагогический университет им. И.П. Шамякина
247760, Республика Беларусь, г. Мозырь, ул. Студенческая, 28
E-mail: telepen_serq@mail.ru

S.V. Telepen'

EMPEROR'S POWER AND COMMANDAL STATUS (EARLY ROMAN EMPIRE)

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-1-144-150

The article examines the problem of the emperor's status as a commander during the period of the Principate. It is concluded that the main means of combining political and military power in the Roman Empire was the conditional military leadership of the head of state which followed from the military-monarchical system of the Principate. To play the role of a true military leader the emperors had to maintain the loyalty of the troops. Many of them did this by emphasizing that their interests and those of Rome coincided. However, the complexity of solving this problem was that the emperors, who often came to power through rebellion and civil war, had to justify their actual usurpation of power by means of propaganda appealing to the same interests of the state. The article focuses on the fact that the principes themselves were often in an unequal position when they exercised the functions of a military leader. There was a natural tendency for many of them to ensure their rule not so much by real military victories as by their formal expression, as well as the outward expression of their militancy. Formalism, theatricality, propaganda were becoming more and more frequent companions of the imperial rule, which gravitated towards measuredness and stability, and as a result, to an ever greater distance from real military affairs which was a reflection of the fact that the empire was gradually moving from conquest to strategic defense.

Keywords: Roman Army, military leadership, political power, civil war, triumph.

REFERENCES

1. *Abramzon M. G.* Monety kak sredstvo propagandy oficial'noj politiki Rimskoj Imperii [Coins as a Means of Promoting the Official Policy of the Roman Empire]. Moscow, Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, 1995, 656 p. (In Russian).
2. *Makhlayuk A. V.* Soldaty Rimskoj imperii. Tradicii voennoj sluzhby i voinskaya mental'nost' [Soldiers of the Roman Empire: The Traditions of Military Service and the Martial Mentality]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Faculty of Philology; "Acra" Publishing House, 2006, 440 p. (In Russian).
3. *Poplavskij V. S.* Kul'tura triumfa i triumfal'nye arki Drevnego Rima [The Culture of Triumph and the Triumphal Arches of Ancient Rome]. Moscow, Nauka; Slava, 2000, 436 p. (In Russian).
4. *Tokmakov V. N.* Sakral'nye aspekty voinskoj discipliny v Rime Rannej respubliki [Sacred Aspects of Military Discipline in Rome of the Early Republic]. *Vestnik drevnej istorii* [Journal of Ancient History]. 1997, no 2. pp. 43–59. (In Russian).
5. *Eck W.* Imperator vo glave vojska. Voennye diplomyy i imperatorskoe upravlenie [Emperor at the Head of the Army. Military Diplomas and Imperial Administration]. *Vestnik drevnej istorii* [Journal of Ancient History]. 2004, no 3. pp.28–57. (In Russian).
6. *Ando A.* Imperial Ideology and Provincial Loyalty in the Roman Empire. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 2000, XXI, 494 p.
7. *Birley A. R.* Septimius Severus. The African Emperor. 2-nd ed. (1-st. ed. – 1971). London; New-York: B. T. Batsford Ltd 1988, XII, 292 p.
8. *Campbell J. B.* The Emperor and the Roman Army: 31 BC – AD 235. Oxford: Clarendon Press, 1984, XIX, 468 p.
9. *Campbell J. B.* Warfare and Society in Imperial Rome, 31 BC – AD 28. London; New-York: Routledge Publ., 2002, XIV, 208 p.
10. *Eck W.* The Bar Kokhba Revolt: The Roman Point of View // *Journal of Roman Studies*, 1999, № 89, pp. 76–89.
11. *Fink R. O.* Roman Military Records on Papyri (Philological Monographs of the American Philological Association, no 26). Cliveland: Case Western Reserve University Press, 1971, XVII, 564 p.
12. *Hekster O. J.* The Roman Army and propaganda // *A Companion to the Roman Army* / ed. by P. Erdkamp. Malden; Oxford: Blackwell Publ., 2007, pp. 339–358.
13. *Kemmers F.* Not at random: Evidence for a regionalised coin supply? // *Proceedings of the Fourteenth Annual Theoretical Roman Archaeology Conference* / ed. by J. Bruhn, B. Croxford and D. Grigoropoulos. Oxford: Oxbow Books, 2005, pp. 39–49.
14. *Lendon J.* Empire of Honour: The Art of Government in the Roman World. Oxford: Clarendon Press 1997, XII, 320 p.

15. *Levick B.* *Vespasian*. London; New-York: Routledge Publ., 1999, XXIII, 310 p.
16. *Richter D.* *Das römische Heer auf der Trajanssäule. Propaganda und Realität*. Möhnesee: Bibliopolis, 2004. 472 s. (In German).
17. *Smith R. R. R.* *The Ethne from the Sebasteion of Aphrodisias* // *Journal of Roman Studies*, 1988, № 78, pp. 50–77.
18. *Thomas C.* *Claudius and the Roman Army reforms* // *Historia*, 2003, № 4 (54), pp. 424–452.
19. *Wallace-Hadrill A.* *Civilis princeps: between citizen and king* // *Journal of Roman Studies*, 1982, № 72, pp. 32–48.
20. *Zanker P.* *Die Apotheose der römischen Kaiser. Ritual und städtische Bühne*. München: Veröffentlichungen der Carl Friedrich von Siemens Stiftung, 2004, 80 s. (In German).

Received 17.03.2022

Telepen' S.V., Candidate of History, Associate Professor at Department of History and Social Science Disciplines
Mozyr State Pedagogical University named after I.P. Shamyakin
Studencheskaya st., 28, Mozyr, Republic of Belarus, 247760
E-mail: telepen_serg@mail.ru